

Хаос — это не провал. Хаос — это лестница. Многие пытались взойти по ней, оступались и уже не пытались вновь — падение ломало их. Другим давался шанс взойти наверх, но они отказывались, продолжая цепляться за служение государству, своих богов или любовь.

— Петир Бейлиш, «Игра Престолов»

Сингулярность.

Так когда-то назывался теперь уже старый, позабытый самим Архитектором, — Богом всего сущего, — храм, расположенный вне времени и пространства. Расположенный там, где не сходится ни одна геодезическая линия, там, куда невозможно попасть и откуда невозможно выбраться.

Когда-то в нем царила жизнь. Бегали дети; мягкими улыбками улыбались странники — служители этого места; возносились молитвы и, конечно же, жили люди.

Но в какой-то момент все изменилось. В какой-то момент старый храм стал пристанищем для одного единственного путника, забывшего свое прошлое, не знающего свое будущее и коротавшего свои бесконечно долгие дни в туманном настоящем.

Теперь здесь не было людей, с которыми можно было поговорить. Здесь не было книг, которые можно было прочитать. Здесь не было вообще ничего, кроме загадочных фресок, написанных в незапамятные времена. Ничего, кроме одинокой стоящей среди нестареющих, но парадоксально старых лавочек Статуи, посвященной многоликому забытому Божеству. И никого, кроме худощавой фигуры странника, закутанной в белоснежно-белый украшенный золотой вышивкой плащ.

Если бы существовал такой писатель, узнавший про этот никому не нужный древний храм, он бы непременно дал ему загадочное говорящее наименование.

Например, «Храм Вечного Беспамятства». Или «Храм несуществующей эпохи». Потому как о нем никогда никто не вспомнит, а эпоха, в которую он был возведен, на самом деле никогда и не существовала.

Только лишь единственный заложник этого древнего храма и по совместительству его дорогой гость точно знал, что это место было построено так давно, когда жил он сам.

Оно связывало его с давно позабытыми им воспоминаниями. Но как именно связывало, этого он вспомнить не мог.

На самом деле память странника являлась поистине штукой парадоксальной. Многие незначительные вещи, как названия предметов, слова, язык, название которого отпечаталось в его голове, и прочие рутинные детали, оставались ясными, словно летний ясный день.

С другой стороны, он даже не помнил собственного имени, как и не помнил, что было до того, как его мир превратился в «прямоугольник сто пятьдесят на сто двадцать». Вернее будет

сказать, смутные воспоминания были. Например, что мир вне этого храма был огромен. Да и миров этих: больших и маленьких, — было великое множество. Но вот ни лиц, ни имен, ни тем более произошедших за тот период времени событий, странник не помнил.

В одном из них он, кажется, когда-то жил. Пил, сражался, заводил новых друзей и терял старых. Даже служил Божеству, в честь которого этот Храм и возвели.

Он даже помнил, что если открыть тяжелые двустворчатые двери, выход из этого храма, если выйти наружу до определенного момента, когда выходить будет можно, — он умрет.

А еще он помнил другой интересный аспект этого места. Каждый последующий день, проведенный в Храме, стирал воспоминания предыдущего.

Звучит пугающе, не так ли?

Тем не менее странник был благодарен Храму за то, что он старался сохранить значимые для него воспоминания. Ведь каждый новый, прожитый в этих стенах день уничтожал частичку его старой, захватывающей жизни. Медленно, неуклонно стирая по кускам, уничтожал его личность.

Странник знал, что винить в этом всем нужно было время и собственную память. Он не может помнить все. Не может хранить в своей голове вечность. Поэтому память перезаписывалась. А Храм, с бережливым трепетом обнуляя ничего незначащие однотипные картины сменяемых один за другим дней, попросту стирал их перед сном, чтобы у странника оставался шанс вытянуть хотя бы старую частичку себя из этого места.

Ведь когда придет время, он сможет выйти отсюда.

Но когда это время придет? — оставалось загадкой.

Ведь умер Бог — покровитель Сингулярности.

Умер его мир.

Умерли все его родные, друзья и близкие.

Умели все те, кто мог хотя бы что-то про него вспомнить.

Остались только они.

Он — сидящий на коленях перед статуей странник.

И древний Храм, дрейфующий между бесконечными мирами в поисках пристанища для своего единственного гостя и послушника.

Старый Храм. Сингулярность.

На скамье было выложено ровно сто двадцать маленьких камешков. Молитва Многоликому

Божеству — безликой каменной статуе, — уже была возложена. Пора было готовиться ко сну. Поэтому я взял из небольшого мешочка очередной маленький камешек, немногим больше спелой вишни, и положил на лавку к другим товаркам.

На самом деле трудно сказать, что в действительности могли означать стоящие плечом к плечу камни. Сто двадцать один день, проведенные здесь? Или сто двадцать один раз, когда я не забывал класть камни на скамейку?

Я даже не знал, когда именно мне пришла в голову эта идея — считать дни камнями. В самом начале? В середине? Или просто — сто двадцать один день назад?

Впрочем, неважно. Все равно здесь больше нечем заняться, кроме как возложением камней скамейке и прочтением молитв статуе, которые я никогда не забывал.

Бумаги здесь тоже не было. Как и ручки. От безделья у меня даже возникло желание попробовать сложить какое-нибудь стихотворение, тем не менее, судя по моим тщетным попыткам уложиться в размер и склеить хоть какую-то рифму, мои прошлые попытки, о которых я не помню, тоже не увенчались никаким успехом.

Ну вот, например:

Сидит странник одинокий,

В плену белесых стен.

Ведет дневник убогий,

Забыв вчерашний день.

Его дневник проклятый — не лучший документ,

Смысл в нем покатый — не разберешь совсем,

Вчера он был — вчерашний, сегодня — он другой,

А завтра — вот некстати! Смысл в нем сикой!

Сидит он в хмурой тени,

Вот уже весь год.

И завтра сидеть будет,

Как ленивый кот.

Я бы сохранил за собой авторство этого великолепного бреда, но, к моему великому огорчению, завтра от моего творчества не останется даже воспоминаний. Я бы, конечно, ради интереса выцарапал его на одной из скамей — когти у меня были что надо. Тем не менее деревянные спинки и так были «исписаны» всяким бредом, вроде: «Привет. Ты еще здесь?» и «Слева стена — тогда тупик!».

Кажется, под выцарапанными словами просматривались цифры. Скорее всего, старые попытки вести счет прожитых дней. Точнее сказать сложно. Уж слишком хаотично они были расположены.

Из моего рта донесся тихий вздох огорчения. Очередной день, о котором я не вспомню, скоро подойдет к концу. Пора было ложиться баиньки.

Когда я отлип от мешочка с камнями и уже собирался уходить прочь из молитвенного зала — чтобы, значит, полежать в горячей ванне и в который раз насладиться своим гордым одиночеством в бесконечной вечности — перед глазами зарябило, в голове раздался звук веселых колокольчиков, а мои ноги, не готовые к такому резкому изменению картинки, подкосились, уронив меня на пол.

— Что это такое?! — возмущенно вырвалось у меня, — И... — прищурившись, уже более заинтересованным, другим голосом, я задал самый животрепещущий за сегодняшний день вопрос, — интересно, у меня каждый день перед глазами появляются такие интересные надписи?

[00:59]

Желаете изменить свою жизнь?

«Да»/ «Нет»

Спрашиваете еще? Конечно — «да»! Эта жизнь начинает меня утомлять!

<http://tl.rulate.ru/book/87021/2785842>